

Про Илью и голи кабацкие

А как во стольном во городе во Киеви,
А ведь у князя да у Владимира,
А велся-продолжалсе княжецкий пер,
А с сильными могучима богатырьма,
А Ильюшеньки на пер да не по́звали.
Открывал Ильюша свой почесной пер,
Позабрал местецько што не лучшее,
Што не лучшее место, самолучшее,
Среди города да среди Киева,
На удобной да ён на площади,
Да у князя-то да у Владимира,
У теремов-то он да златоверхиих.
Крикнул Ильюша голосом своим богатырским:
— Уж вы голи, голи кабацкие,
Городские голи вы, посацкие,
Собирайтесь-ко вы да приходите-тко,
Ко Ильюшеньки да на чесной пер!

Как у Ильюшеньки ведется свой почестный пер,
Среди города да среди Киева,
На удобной-то да на площади,
Как у князя-то да у Владимира,
Как у теремов да златоверхиих,
Тут же Ильюшенька как натягивал
Как тетивку он шолкóвую,
Как натягивал тетивку потугёшенько,
Направлял он стрелоцьки каленыи прямёшенько,
А спускал Ильюша стрелоцьки каленыи
В тугой лук рьянёшенько,
А спускал он князю-то Владимиру
По теремам ему-то златоверхиим.
Как у князя-то да у Владимира,
Как по городу да по Киеву,
А на теремах да златоверхих
Были маковки шелкóвыи подвешены.
Спускал Ильюша стрелоцьки да каленыи,

А ён по маковкам спускал да по шолкóвым,
Да как золоченыи маковки-то шолкóвыи
Скатилисе оне да на сырú землю,
Как ведь мелкии-то воробушки.

Дороги гости да Ильюшины
Собирали оны маковки шелкóвые,
Носили в лавоцьки оны торговьи,
Оттуль таскали напитоцьки спиртовьи.
А сидят пируют-то оны да прохлаждаютце,
А поют ёны песенки да разные,
Поют оны песни разные разважные,
Как не днем-то не ночью да утíха нет.

Как у князя-то да Владимира
Пер с богáтырьма да прекращаетце,
А у Ильюши вперед да продолжаетце.
Тут Владимир-князь скручинилсе,
Тут Владимир-князь да спечалилсе:
— Разобьет Илья по городу по Киеву.
Все он терема разобьет златоверхии,
Вышиблет все маковки золоченыи,
Золоченыи маковки да шелкóвые!

Стал просить Владимир-князь
Сильных могущиих богáтырей:
— Как сходите-тко Ильюшеньку проводите-тко,
Штобы не спускал Илья стрелоцек каленых,
Не щипал бы Илья маковок шелкóвых.

А как богатыри от князя отказалисе:
— Мы не смеем итти Ильюшу уговаривать,
Спустит Илья в нас стрелоцьки каленыи.

Стал Владимир-князь просить-то Добрынюшку,
Как Добрыня был-то посильнее всех.
Как пошел Добрыня Ильюшу уговаривать,
А идет Добрынюшка да думает:
— Если мне-то мне-ко-ва спереду зайти,
То спустит Илья в меня стрелоцьку каленую.

Вот зашел Добрынюшка сзади ведь,
А пал Добрыня Ильюше на плечи на могущии:
— Здравствуй же, мой да крестовый брат,
Владимир-князь меня да за тобой послал.

Стал Добрыня Ильюшу уговаривать,
А говорил-то вить Ильюшенька:
— Ай же ты, да мой крестовый брат,
Знал же ты да откуль зайти:
Если зашел-то бы спереду —
То спустил бы в тебя стрелоцьку каленую!
Уговорил-то Добрыня да Ильюшеньку,
Да повел Добрыня Илью к князю ко Владимиру,
Дороги гости Ильюшеньки недовольныи-то ведь остались,
Так былина и покончилась.

(Записано Е. П. Родиной в 1938 году.)

Сказитель Ф. А. Конашков. Подготовка текстов, вводная статья и комментарии А. М. Линевского. Под редакцией А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948.